

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ АВТОРА

Ибайдуллаева Ситора Рустам кизи

Магистрант 1-го курса

Ферганского государственного университета

Научный руководитель:

Собиров Нематжан

к.ф.н., профессор, Ферганский государственный университет

Аннотация: В статье рассматривается роль религиозных мотивов в формировании мировоззрения Л.Н. Толстого. На материале художественных и публицистических произведений писателя «Исповеди», трактата «В чём моя вера?», романов «Анна Каренина» и «Воскресение» прослеживается эволюция религиозных воззрений автора и их влияние на художественную картину мира. Используются герменевтический, биографический и сравнительно-исторический методы. Установлено, что религиозный поиск выступает структурообразующим элементом мировоззрения Толстого и определяет проблематику его поздних произведений.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, религиозные мотивы, мировоззрение, духовные искания, исповедь, рационализм, евангельские мотивы.

ВВЕДЕНИЕ

Религиозная проблематика занимает в русской литературе XIX века особое место, определяя как тематический репертуар, так и аксиологические основания художественного мышления многих авторов. Творчество Льва Николаевича Толстого (1828–1910) представляет собой один из наиболее ярких примеров того, как религиозные искания становятся ядром не только биографического опыта писателя, но и его художественной системы [1, с. 47].

Актуальность настоящего исследования определяется устойчивым интересом современного литературоведения к проблеме религиозного сознания русских классиков, а также необходимостью переосмысления роли духовных мотивов в творческой эволюции Толстого с учётом введённых в научный оборот архивных материалов и эпистолярного наследия писателя [2, с. 12].

Степень изученности темы значительна. Различные аспекты религиозного мировоззрения Толстого исследовались в трудах Г.Я. Галаган, А.А. Гусейнова, Б.И. Бермана, А.Б. Тарасова и других учёных. Однако вопрос о соотношении эстетического и религиозного начал в формировании авторского мировоззрения по-прежнему сохраняет дискуссионный характер [3, с. 89]. Современная гуманитаристика всё чаще обращается к проблеме духовно-нравственных оснований русской классики, что делает обращение к данной теме своевременным и научно значимым.

Особую сложность изучения толстовского религиозного мировоззрения составляет его внутренняя противоречивость: писатель одновременно является ярчайшим выразителем евангельского нравственного идеала и последовательным критиком институциональных форм православия. Эта противоречивость не позволяет редуцировать его религиозный поиск ни к ортодоксальному христианству, ни к секулярному гуманизму, что предопределяет необходимость специального аналитического подхода к данной проблеме.

Научная новизна работы заключается в попытке системного описания религиозных мотивов как фактора, конституирующего художественное мировоззрение Толстого, с учётом диалектической связи между биографическим, публицистическим и собственно художественным измерениями его наследия.

Цель статьи – выявить характер и функции религиозных мотивов в становлении мировоззренческой системы Л.Н. Толстого. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: проследить этапы религиозной эволюции писателя; выявить ключевые религиозные мотивы в его художественном и публицистическом наследии; определить влияние этих мотивов на эстетическую программу позднего Толстого; охарактеризовать значение толстовской религиозной рефлексии в контексте русской духовной культуры.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили художественные, публицистические и эпистолярные тексты Л.Н. Толстого, в которых религиозная проблематика получила наиболее развёрнутую разработку. К ним относятся «Исповедь» (1879–1882), трактат «В чём моя вера?» (1884), сочинение «Царство Божие внутри вас» (1893), романы «Анна Каренина» (1873–1877) и «Воскресение» (1899), а также избранные дневниковые записи периода 1870–1900-х годов.

Методологическую основу работы составил комплекс взаимодополняющих подходов. Герменевтический метод применялся при интерпретации религиозных подтекстов и символических структур художественных произведений. Биографический метод позволил соотнести содержание текстов с этапами духовной эволюции писателя. Сравнительно-исторический метод использовался для соотнесения религиозных идей Толстого с интеллектуальным контекстом эпохи – прежде всего с традицией русского богоискательства и европейской религиозно-философской мыслью второй половины XIX столетия [4, с. 156]. Дополнительно применялся элемент интертекстуального анализа, позволивший выявить отсылки к евангельским текстам и святоотеческой традиции в художественной ткани произведений писателя.

Принципиальное значение имела установка на диахроническое рассмотрение материала, дающая возможность проследить эволюцию религиозных мотивов в их закономерной последовательности. Параллельно с диахроническим использовался синхронический срез, позволяющий зафиксировать целостный характер религиозного мировоззрения на каждом конкретном этапе. Такое сочетание методологических подходов отвечает специфике объекта исследования и обеспечивает достоверность полученных научных результатов.

Результаты

Анализ материала позволяет выделить три этапа религиозной эволюции Л.Н. Толстого, каждый из которых характеризуется специфическим набором мотивов и определяет содержание соответствующего пласта творчества.

Первый этап (1850–1860-е годы) связан с инерцией традиционного православного воспитания и нарастанием рационалистического сомнения. В дневниках молодого Толстого фиксируется характерная для эпохи коллизия между унаследованной религиозностью и формирующимся научно-аналитическим взглядом на мир. Уже в этот период обнаруживаются мотивы, которые приобретут определяющее значение в зрелом творчестве: мотив поиска смысла жизни, мотив нравственного самосовершенствования, мотив противопоставления внешней обрядности и внутренней духовной работы [5, с. 73].

Художественное оформление эти мотивы получают в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», где образ молитвы юродивого Гриши, картины первого причастия, размышления героя о смерти матери задают ту координатную сетку, в рамках которой будет развёртываться религиозный поиск всего последующего творчества. Принципиально важным произведением рассматриваемого этапа следует признать роман «Война и мир», в котором религиозная проблематика реализуется через судьбы Пьера Безухова и Андрея Болконского. Образ Платона Каратаева, чья народная религиозность противопоставлена интеллектуальному богоискательству просвещённого дворянства, становится центральным звеном в формировании толстовского представления о подлинной духовной мудрости.

Второй этап (конец 1870-х – начало 1880-х годов) отмечен глубоким мировоззренческим кризисом, документированным в «Исповеди». Писатель, достигший вершины литературной славы и социального благополучия, оказывается перед лицом онтологической пустоты: достижения, традиционно считающиеся атрибутами успешной жизни, не дают ответа на вопрос о её смысле. Кризис разрешается обращением к евангельскому учению, понятому, однако, в особой – нравственно-рационалистической – перспективе. Толстой подвергает церковное предание критическому пересмотру, отвергая догматическое содержание христианства и сохраняя в нём этическое ядро [6, с. 218].

В этот период формируется специфический комплекс мотивов, ставших основой позднего творчества: мотив пробуждения от духовного сна, мотив отказа от мнимых ценностей, мотив непротивления злу насилием. Особенно показательна разработка темы смерти, которая в произведениях этого периода приобретает не натуралистический, а религиозно-метафизический характер. Кончина Ивана Ильича в одноимённой повести становится одновременно и физическим уничтожением, и моментом духовного прозрения, в котором обнаруживается подлинный смысл существования [7, с. 134].

Существенное место в толстовской религиозной эволюции занимает работа над переводами и истолкованием Евангелий, кульминацией которой стало «Соединение и перевод четырёх Евангелий». В этом труде писатель предпринимает попытку реконструкции «подлинного» учения Христа, очищенного от позднейших церковных

наслоений. Методологическая установка на буквальное прочтение евангельских заповедей, последовательно реализованная в трактате «В чём моя вера?», приводит к формулированию пяти основных требований нравственного поведения, вокруг которых выстраивается этическая программа писателя.

Третий этап (1890-е – 1900-е годы) характеризуется кристаллизацией собственного религиозного учения Толстого, в котором соединяются элементы евангельского нравственного максимализма, восточных религиозных доктрин и просветительского рационализма. В трактате «Царство Божие внутри вас» оформляется концепция религии как индивидуального нравственного делания, не опосредованного институциональными формами. На этом этапе религиозные мотивы пронизывают все уровни художественной системы – от сюжетной организации до образного строя произведений.

Роман «Воскресение» представляет собой наиболее последовательное художественное воплощение позднего религиозного мировоззрения писателя. Само заглавие имеет двойную семантику: оно отсылает одновременно к евангельскому событию и к идее духовного преображения главного героя. Нехлюдов проходит путь от нравственной омертвелости к пробуждению совести, причём этот путь структурируется в категориях, заимствованных из религиозной аскетической традиции [8, с. 261]. Эпиграфы к роману, прямо отсылающие к евангельским текстам, выполняют функцию ценностного ориентира и задают герменевтическую перспективу прочтения.

Не менее значима повесть «Отец Сергей», в которой проблема религиозного подвижничества рассматривается в её антропологической глубине. История бывшего князя Касатского, прошедшего путь от блестящего гвардейца через монашеский постриг к страннической жизни простого крестьянина, концентрирует основные интуиции позднего толстовского богоискательства: разочарование во внешних формах религиозности, поиск подлинной веры в смиренном труде, концепция духовной жизни как непрерывного подвига нравственного самопреодоления. Отлучение писателя от Церкви в 1901 году стало внешней, институциональной фиксацией того глубинного разлада с ортодоксальной традицией, который оформился в его религиозной мысли последних десятилетий.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что религиозные мотивы выполняют в творчестве Л.Н. Толстого не периферийную, а структурообразующую функцию. Их роль не ограничивается тематическим обогащением художественного мира; они формируют саму архитектуру мировоззрения автора и определяют конститутивные параметры его эстетической программы.

Особого внимания заслуживает специфика толстовской религиозности, которая существенно отличается как от ортодоксально-церковной парадигмы, так и от секулярного рационализма. Толстой вырабатывает уникальную форму «рационализированной религии», в которой евангельское учение интерпретируется в категориях практической нравственности. Эта парадоксальная позиция – соединение веры и критицизма – порождает напряжённое продуктивное противоречие, питающее художественное творчество писателя на всех его этапах [9, с. 95].

Религиозные мотивы у Толстого обнаруживают характерную динамику: от пассивного унаследования к критическому переосмыслению, от индивидуального переживания к попытке универсализации. Эта динамика отражает общую логику русского духовного поиска второй половины XIX века, в котором религиозный вопрос превращается из конфессионального в антропологический и культурфилософский.

Существенную роль играет диалектика внешнего и внутреннего в религиозном опыте. Толстой последовательно противопоставляет институциональные, обрядовые формы религиозности её внутреннему, нравственно-смысловому содержанию. Этот мотив пронизывает не только публицистику, но и художественное творчество – в частности, образ Левина в «Анне Карениной», духовное преображение которого осуществляется не в храме, а в результате частного, индивидуального постижения евангельской истины [10, с. 178].

Религиозные мотивы оказывают определяющее влияние на эстетику позднего Толстого. В трактате «Что такое искусство?» формулируется концепция искусства как «заражения» нравственно-религиозным чувством, что предполагает подчинение художественной формы этическому содержанию. Эта концепция вступает в драматическое противоречие с собственной художественной практикой писателя, чьи произведения отличаются исключительной формальной сложностью.

Важным результатом религиозной эволюции становится также трансформация авторской позиции в позднем творчестве. Толстой всё более выступает не как объективирующий повествователь, а как нравственный учитель, чья дидактическая интенция оказывается неотделимой от художественной [11, с. 42]. Это смещение акцентов не следует, однако, понимать как отказ от собственно литературных задач: религиозное и эстетическое в позднем толстовском творчестве находятся в отношениях сложного опосредования. Художественная форма, при всей её подчинённости этическому заданию, сохраняет автономию и продолжает определять способ воздействия текста на читательское сознание.

Существенным является вопрос о соотношении толстовского религиозного учения с традицией русского сектантства, прежде всего духоборчества и молоканства. Параллели, обнаруживаемые между толстовскими этическими установками и доктринами этих религиозных движений, указывают на типологическую близость рассматриваемых явлений в общем поле русской народной религиозности. Однако толстовство не следует отождествлять с сектантскими доктринами: оно представляет собой результат индивидуального философско-религиозного поиска, лишь типологически соотносимого с массовыми формами народного религиозного сознания [12, с. 187].

Наконец, нельзя не отметить мировое значение религиозных идей Толстого. Его учение о непротивлении злу насилием оказало непосредственное воздействие на формирование общественно-политической мысли XX века, в частности на деятельность Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. Этот факт свидетельствует о том, что религиозный поиск русского писателя обладал не только национально-культурным, но и

общечеловеческим измерением, способным определять мировоззренческие ориентиры далеко за пределами собственно литературной сферы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, религиозные мотивы играют конститутивную роль в формировании мировоззрения Л.Н. Толстого, выступая не тематическим элементом, а структурообразующим началом авторского художественного мышления. Во-вторых, религиозная эволюция писателя проходит ряд закономерных стадий – от инерции православного воспитания через мировоззренческий кризис к собственному религиозному учению, причём каждая стадия получает соответствующее художественное выражение. В-третьих, специфика толстовской религиозности – соединение евангельского нравственного максимализма с рационалистической критикой – определяет уникальный характер его художественного мира.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сопоставительное изучение религиозных оснований мировоззрения Толстого и других классиков русской литературы XIX–XX веков, а также анализ рецепции его религиозных идей в отечественной и зарубежной литературной традиции. Особый интерес представляет вопрос о соотношении толстовского богоискательства и философских течений русского религиозного ренессанса начала XX века, в которых наследие писателя получило неоднозначную, но весьма продуктивную интерпретацию. Не менее значимым видится изучение влияния религиозных идей Толстого на нравственно-философские искания зарубежных писателей и общественных деятелей XX столетия, что подтверждает универсальный характер постановки религиозного вопроса в его художественном и публицистическом наследии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гусейнов А.А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. – М.: Вече, 2009. – 496 с.
2. Тарасов А.Б. Что есть истина? Праведники Льва Толстого. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 184 с.
3. Берман Б.И. Сокровенный Толстой: Религиозные видения и прозрения художественного творчества Л.Н. Толстого. – М.: МЦР, 1992. – 208 с.
4. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой: Художественно-этические искания. – Л.: Наука, 1981. – 174 с.
5. Жданов В.А. Творческая история «Анны Карениной»: Материалы и наблюдения. – М.: Советский писатель, 1957. – 262 с.
6. Лурье Я.С. После Льва Толстого: Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. – 168 с.
7. Бочаров С.Г. О художественных мирах. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
8. Линков В.Я. Художественный мир прозы Л.Н. Толстого. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – 248 с.

9. Кантор В.К. Лев Толстой: искушение неисторией // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 88–104.
10. Камедина Л.В. Духовные смыслы в русской классической литературе. – Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2010. – 314 с.
11. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
12. Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. – М.; Л.: Наука, 1966. – 324 с.